

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ Ю НЕСБЁ

В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА»

Книги о Харри Холе

Нетопырь

Тараканы

Красношейка

Немезида

Пентаграмма

Спаситель

Снеговик

Леопард

Призрак

Полиция

Жажда

Нож

Охотники за головами

Сын

Кровь на снегу

И прольется кровь

Королевство

Ревность

и другие истории

Крысиный остров

и другие истории

Ю НЕСБЁ

Крысиный остров

и другие истории

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44
Н 55

Jo Nesbø
ROTTEØYA OG ANDRE FORTELLINGER
Copyright © Jo Nesbø 2021
Published by agreement with Salomonsson Agency
All rights reserved

Перевод с норвежского
Анастасии Наумовой, Дарьи Гоголевой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-19082-5

© А. В. Наумова, Д. А. Гоголева, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

КРЫСИНЫЙ
ОСТРОВ

Ветер лениво трепал сигнальный фал. Я оглядел город. На удивление мирный. Хотя с крыши девятиэтажного небоскреба не разглядишь человеческих муравьев, которые прячутся и охотятся на улицах. Не услышишь криков тех, кого избивают, мольбы о пощаде, не услышишь, как щелкает курок. Зато слышно выстрелы. Рев одинокого мотоцикла. И теперь в темноте видно пожары.

Разумеется, отсюда, сверху, большинство из них кажутся крохотными. Подожженные автомобили, будто уютные фонарики, озаряют улицы, где настоящие фонари давно прекратили свое существование.

Внизу послышалась пулеметная очередь, впрочем непродолжительная. Они молодые, однако усвоили, когда полагается остановиться, чтобы оружие не нагрелось. А еще усвоили, что требуется для выживания в такую эпоху. Или, точнее говоря, чтобы прожить чуть дольше того, кому нужно то же, что и тебе: еда, оружие, жилье, бензин, одежда, наркота, женщина или несколько, чтобы обеспечить будущее мужским генам. Там внизу — не побрезгуем клише — джунгли. И джунгли эти все ближе, даже не день ото дня, а час от часу. Готов поспорить, что здание, на крыше кото-

рого мы стоим, еще до рассвета превратится в часть джунглей.

Отсюда, сверху, вывозят тех, у кого есть возможность свалить. Элиту, богатейших из богатых, тех, кому хватило бабла на билет. Я стоял и разглядывал их, последнюю группу из четырнадцати человек: они нетерпеливо поглядывали туда, откуда прилетит военный вертолет, курсирующий между городом и авианосцем «Новые рубежи». Корабль этот способен вместить три с половиной тысячи пассажиров, запасы провианта и лекарств и все остальное, причем хватит этого на четыре года, даже если не заходить ни в один порт. Сегодня ночью судно выйдет в море, где проведет неопределенное время. Не знаю, сколько стоят билеты, известно лишь, что женщинам полагается небольшая скидка, потому что людей каждого пола на борту должно быть одинаковое количество. Вслух об этом не говорят, но судно это — что-то вроде Ноева ковчега для элиты.

Передо мной стоит мой давнишний приятель Колин Лоув. Его жена Лайза и дочка Бет подошли чуть ближе к площадке и высматривают вертолет. Колин — один из самых богатых дельцов в стране, он владеет интернет-ресурсами и активами по всему миру, в том числе и небоскребом, на котором мы стоим. И тем не менее, если верить его собственным словам, семейству Колина хватило получаса, чтобы собрать вещи в поездку.

— Все, что вам нужно, там есть, — заверил я его.

Здесь, наверху, царит тревога, но в то же время и какое-то странное возбуждение. Вокруг вертолетной площадки и возле двери на крышу стоят воору-

женные охранники, оплаченные из бюджета «Лоув инк.». Остальные охранники расположились внизу, возле входа, и около лифтов. Их задача — остановить тех, кто попытается штурмовать здание в надежде спастись от бандитов или даже вознамерится пробраться на вертолет и дальше, на «Новые рубежи». Винить никого нельзя — ни тех, кто попытается, ни тех, кто попробует их остановить. Каждый из нас дерется за себя и за своих близких, так уж мы устроены.

Когда я к вечеру пришел к этому зданию, над улицами висел запах страха и отчаяния. Я видел, как какой-то мужчина в костюме предложил охраннику портфель, битком набитый банкнотами, однако охранник отказался. Может, из-за свидетелей вокруг, а может, боялся, что завтра деньги эти обесценятся. Следом за мужчиной к охраннику подошла женщина средних лет, показавшаяся мне знакомой. Она расправила плечи и перечислила фильмы, в которых играла.

— Мы движемся к энтропии, — сказал Колин.

— Ты же в курсе, что я таких слов не знаю, — ответил я.

— Второй закон термодинамики.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Вы, юристы, вообще ничего не знаете?

— Знаем, как разгрести то, что инженеры нагадят.

Колин рассмеялся. Этой фразой я описал наш пятнадцатилетний симбиоз в «Лоув инк.».

— Энтропия... — начал Колин, глядя на горизонт, похожий на разрезанный силуэт на фоне солнца, готового вот-вот исчезнуть в море, — энтропия — это когда все в закрытой системе со временем разруша-

ется. Оставь на берегу замок из песка — и на следующий же день ветер и погода его разрушат. Не заменят на что-нибудь, еще более прекрасное, а сровняют с землей. Лишат жизни, дыхания. Превратят в ничто. Это и есть энтропия, Уилл. И это самый универсальный из законов природы.

— Закон о беззаконии, — добавил я.

— Говоришь как юрист.

— Как философ. Гоббс утверждал, будто без законов, без общественного договора всех нас поглотит хаос, который будет намного хуже самой ужасной диктатуры. И по-моему, он, возможно, прав.

— Левиафан явился, — поддакнул Колин.

— Что такое «Левиафан»? — спросила незаметно подошедшая к нам дочь Колина Бет.

Ей семнадцать, она на три года моложе своего брата Брэда, который куда-то подевался. Она невероятно похожа на Эми, мою собственную дочку, но это не единственная причина, по которой на глаза у меня наворачиваются слезы, когда я вижу Бет.

— Это из истории про морское чудовище, — проговорил я, не дождавшись ответа Колина. — Оно выдуманное.

— Тогда почему он явился?

— Это образно, солнышко, — Колин притянул дочь к себе, — один философ прибег к этому образу, описывая общество без закона и порядка.

— Как это?

К нам приблизился военный в полевой форме. Колин кашлянул.

— Иди, Бет, а то мама заскучает. Я скоро подойду. Девушка послушно убежала.

— Да, лейтенант? — спросил Колин.

— Господин Лоув... — заговорил военный. У него были короткие седые волосы и рация, из которой доносились треск и взволнованный голос, словно силящийся докричаться до хозяина рации. — Мое начальство на первом этаже сообщает, что сдерживать людей все сложнее. Отдадите приказ стрелять, если?..

— Это бандиты? — перебил его Колин.

— В основном обычные люди, господин Лоув. Они надеются проникнуть на вертолет.

— Бедняги. Стреляйте только в случае крайней необходимости.

— Есть, сэр.

— Долго еще вертолета ждать?

— Пилот сообщил, что они будут здесь примерно через двадцать минут, сэр.

— Ясно. Держите нас в курсе, чтобы люди могли подняться на борт, как только вертолет приземлится.

— Есть, господин Лоув.

Лейтенант зашагал прочь, и я услышал, как он говорит в рацию:

— Вас понял, сержант, но приказано не прибегать к силе неоправданно. Ясно? Да, держите позицию и...

Голос умолк, и остался лишь шорох флагов и сирена полицейской машины внизу, на темных улицах. И Колин, и я знали, что это не полиция: уже год они не осмеливаются патрулировать улицы после наступления темноты — значит, сейчас в полицейской машине сидят четверо парней с автоматами и в меру обдолбанные, чтобы рефлексy еще сохранились, но чувство дозволенного притупилось. Хотя оно не просто притупилось, а вообще исчезло, причем не только

у этих отморозков, а и у всего остального населения тоже. Выражение «противозаконные действия» утратило всякий смысл, потому что закона больше не существует.

И это, возможно, единственное оправдание тому, что я сделал.

Я по-прежнему слышал рев мотоцикла, — похоже, у них в глушителе дырка, ну или как там это называется.

Я давлю на газ, лечу по пустой улице через город, на юг, к бойне. Из-за дыры в глушителе мотоцикл ревет, давно пора починить. И еще надо бензина залить. Стрелка на датчике уровня топлива ткнула в красную полосу, сейчас, блин, вообще никуда не доеду. Без поддержки в центре посреди ночи делать нечего, иначе сразу поймешь, каково это, когда жертва — это ты и есть. Ну да ладно, пока бензин не кончился, пока двигатель пашет, я в этой пищевой цепочке не в самом низу. Потому что я нашел то, что искал там, на оставшемся позади холме. Выход. Дыру в стене крепости. Возможно, все жители виллы через несколько часов умрут, а может, и нет. Судить их не мне, я всего лишь вестник. Рев мотоцикла эхом отскакивает от стен офисных зданий, высоких и пустых. Если с газом переборщить, бензин весь выйдет, но чем дольше я остаюсь в центре, тем выше шансы вляпаться в дерьмо. Чего стóит один этот сброд возле здания Лоува — я там всего-то скорость слегка сбросил, как кто-то меня тут же попытался скинуть с мотоцикла. Люди — настоящие звери, отчаявшиеся, злые и испуганные. Вот срань-то. Что вообще случилось с этим городом, с этой большой, прекрасной страной?

II

— До вертолета восемнадцать минут! — крикнул лейтенант.

— Одна тысяча восемьдесят секунд, — сказал Колин.

В уме он всегда считал быстрее, чем я.

С того момента, как обнаружили вирус, до пандемии, охватившей и разрушившей весь мир, времени прошло всего ничего.

Люди мёрли как мухи. Сперва из-за болезни, потом из-за нужды, и со временем политические и общественные институты потерпели крах. Разумеется, жестче всего пандемия обошлась с бедными — так случается со всеми скверными штуками. Но лишь с началом продовольственного кризиса ситуация изменилась: если сперва мы как общество пытались бороться, то теперь борьба превратилась в битву имущих и неимущих за ресурсы. Сначала в этой битве участвовали бедняки и богачи, затем — бедняки и бедняки, потом — соседи всех общественных прослоек, и, наконец, врагами стали все, кроме ближайших родственников и самых близких друзей. Продовольственные магазины опустели, а со временем пустыми стали и оружейные магазины, хотя производство пистолетов и винтовок не прекращалось. Органы правопорядка, и так оказавшиеся на грани кризиса, почили в бозе. Самые богатые прятались подальше от города, забаррикадировавшись в усадьбах и крепостях, желательно где-нибудь на холме, откуда легче обороняться. Некоторые из богатейших, как, например, Колин Лоув, предвидевший катастрофу задолго до пандемии, приняли меры заранее и при-

обрели частную собственность и острова, способные прокормить себя и охраняемые собственной армией. Удивительно, но вирус помог им победить в борьбе с величайшей угрозой — бедными и отчаявшимися. Ведь зараза распространялась беспрепятственно там, где плотность населения больше всего, но ни страховок, ни желания соблюдать введенный властями карантин не имеется. Однако, когда пандемия со временем улеглась и стала менее страшной, чем грабежи, между молотом и наковальней оказались уже другие. Те, кому было что терять, но недостаточно, чтобы защититься. И, потеряв все, многие из них сами стали грабить. Так началась новая пандемия. Бедность, отчаяние, насилие — они тоже заразны.

Когда эта пандемия началась, я руководил юротделом в телекоммуникационной компании Колина. Вирус пришел с востока, с другого конца страны, но сразил нас, не дав нам — большинству, крепкому среднему классу — среагировать.

Пятью годами ранее, когда Колин показал мне Крысинный остров, крошечный тюремный островок площадью десять гектаров, расположенный неподалеку от аэропорта, я задразнил его, обозвав пророком апокалипсиса вроде тех чокнутых придурков, которые готовятся к худшему, к тому, что придется остаться совсем одному. В нашей стране таких особенно много, — видимо, это как-то связано с культурой свободы. Ты — кузнец своего собственного счастья, тебя никто не остановит, вот только и помогать тебе не станут.

— Это здравый смысл, — ответил тогда он на мой вопрос, не паранойя ли это, — я инженер и програм-

мист, среди нас нет истериков, считающих, будто того и гляди грянет конец света. Мы полагаемся на вероятность того, что случится нечто невероятное, совсем как в нашей работе. Одно известно наверняка: со временем случится все без исключения. Вероятность того, что общество развалится еще при моей жизни, невелика, но и не ничтожна. Если умножить эту вероятность на то, во сколько мне это обойдется в денежном эквиваленте и в соотношении с качеством жизни, мы получим сумму, которую я согласен заплатить за страховку. Эта покупка... — он обвел рукой убогий каменистый островок с пустыми бетонными зданиями, в свое время построенными для того, чтобы держать убийц взаперти, а не на улице, — невысокая плата за то, чтобы крепче спать по ночам.

В то время я и не знал, что у него немалые запасы оружия. И что он и все остальные его друзья-директора исправили близорукость при помощи лазерной коррекции зрения не по косметическим соображениям, а потому, что найти очки или линзы, когда привычный мир рухнет, будет сложно, и потому, что в каменном веке, к которому мы приблизимся, с хорошим зрением выжить проще.

— Нет причин, по которым готовиться не стоило бы, Уилл. Если и не ради себя, то ради семьи.

Но я готов не был.

Грабежи начались вовсе не тогда, когда власти решили освободить тюрьмы, на самом деле представлявшие собой камеры смертников, где изолировать было невозможно и свирепствовал вирус. Освобожденных преступников было недостаточно, чтобы в одиночку стать причиной хаоса. Причиной стало

ощущение, которое они принесли с собой. Ощущение, будто власти того и гляди утратят силу, что закон упрямлен, что вскоре придется хватать то, до чего дотянешься, пока другие не опередили тебя. Нельзя сказать, что мы не видели или не понимали происходящего. Иррациональным страхом это не назовешь. Мы знали, что главное — оставить позади эту пандемию, которая в некоторые страны уже вернулась, — и тогда мы вернемся к нашей обычной жизни. Однако мы также видели, что страх сильнее стадного чувства. Массовой истерии не было, зато чувство меры исчезло. Поэтому люди, каждый по отдельности, делали выбор, разумный и правильный лишь для себя и для своих близких, но плачевный для общества.

Некоторые стали грабителями и насильниками из-за нужды.

А некоторые — как сын Колина Брэд — потому, что им так захотелось.

Отношения у Брэда Лоува с отцом сложились непростые. Брэд был первенцем, которого Колин видел продолжателем дела всей своей жизни. Однако, чтобы справиться с такой задачей, у Брэда просто-напросто не было данных. Он не обладал ни интеллектом своего отца, ни его трудоспособностью, ему недоставало отцовской прозорливости и желания изменить мир. Не имел он и оптимизма Колина вместе со способностью заражать своим энтузиазмом других. А вот что Брэд и впрямь унаследовал сполна, так это отцовский эгоизм — порой безмерный — и склонность закрывать глаза на интересы остальных при необходимости достичь желаемого. Например, отцов-

ские деньги шли в карман тренеру и Брэд получал место в школьной футбольной команде, а кто-то более талантливый оставался ни с чем. Или Брэд уговаривал отца отстегнуть ему деньжат, потому что он, мол, с друзьями запустил программу помощи малообеспеченным студентам, но впоследствии выяснялось, что деньги ушли на наркоту, телочек и экстравагантные вечеринки на съемной вилле неподалеку от университета. И только когда ректор связался с Колином и сообщил, что Брэд угрожает ему физической расправой, потому что подделал экзаменационные документы, хотя даже не явился на экзамен, — только тогда Колин забрал сына из колледжа.

Вернувшийся тем летом домой Брэд выглядел полным неудачником, и я не удержался от жалости. Наши семьи отдыхали тогда вместе в огромном двухэтажном коттедже в горах. Мы много лет скидывались на аренду, но теперь Колин просто взял и купил этот дом. У отца с сыном не ладилось, и от этого нам, всем остальным, общаться с Брэдом было еще сложнее. Ведь Брэд тоже мальчик не бесчувственный — скорее наоборот, чувства у него зашкаливают. Своего отца он любил, восхищался им. Так оно было всегда, и в этом никто не сомневался. Даже отцовская любовь к сыну была менее очевидной. И теперь отчаяние Брэда сменялось гневом, равнодушие — злостью, направленной на любого, кто отказывался выполнять его волю, будь то родственники, наша семья или обслуживающий персонал. И в тот момент в Брэде я разглядел другого Колина. Человека, выходящего на сцену, когда у Колина не получалось убедить кого-нибудь лишь при помощи своего предательского

энтузиазма и ума, опасного Колина, способного с потрохами купить маленькое конкурентное предприятие, ликвидировать его и отправить всех бывших сотрудников прямиком на биржу труда. Пару раз я разрушил планы Колина, подведя под это юридическое обоснование, и он так разозлился, что — это я точно знаю — чуть было меня не уволил. Мне это известно, потому что я с детства помню, как темнел его взгляд, когда у Колина не получалось осуществить задуманное.

Пока у него не получалось осуществить задуманное.

И по-моему, до Брэда дошло, что если не держать себя в узде и прибегать к насилию, угрозам и грубой силе, то добьешься всего, чего хочешь. Именно так он заставил братьев Винстон из соседского коттеджа поджечь старый гараж Фергюсонов. Потому что — согласно показаниям, которые братья дали позже в полиции, — не пойдешь ты у него на поводу, и, как сказал Брэд, он дожидается, когда они уснут, и подожжет коттедж Винстонов.

Свои сильные чувства Брэд также продемонстрировал, безнадежно пытаясь ухаживать за моей дочерью Эми. Он был влюблен в нее с раннего детства, но если обычно детская влюбленность с возрастом благополучно затухает, то у Брэда она, похоже, лишь крепла с каждой их новой летней встречей. Разумеется, этому, скорее всего, способствовала расцветающая год от года красота Эми, однако, наверное, и тот факт, что взаимности Брэд не видел, а ее неоднократные отказы только раззадоривали его. Потому что Брэд, совершенно очевидно, считал, будто имеет на нее право.

Однажды ночью меня разбудил голос Брэда. Стоя в коридоре возле комнаты Эми, Брэд требовал, чтобы моя дочь впустила его, но она, похоже, вновь его отвергла, и тогда он сказал:

— Это наш коттедж, здесь все мое, поэтому давай открывай, иначе вышвырнем вас отсюда, а папашу твоего уволят.

Колину я об этом так и не рассказал: от несчастной любви я и сам немало нелепостей натворил, и к тому же я подозревал, что Колин накажет сына излишне жестоко, показывая нам, насколько нетерпим к подобным выходкам. Поэтому последней каплей, переполнившей чашу терпения Колина, стали не угрозы в адрес Эми, а поджог гаража. После того как Брэда приговорили к условному сроку и выпустили на свободу, а мистер Фергюсон положил в карман кругленькую сумму для покрытия понесенных убытков, Колин поместил сына под домашний арест. Через два дня Брэд сел на мотоцикл, который ему подарили на восемнадцатилетие, и скрылся из города. С собой он прихватил стопку банкнот из отцовского сейфа и ключи от квартиры в Даунтауне.

— По крайней мере, я знаю, где он, — вздохнул как-то за завтраком Колин.

Спустя три месяца Колин рассказал мне, что с ним связались полицейские: в одном из многочисленных даунтаунских пожаров квартира сгорела дотла, тел не найдено, однако и Брэда тоже отыскать не удалось. Колин объявил Брэда в розыск и надавил на полицейских, требуя продолжать поиски, но полицейские в те времена уже расследовали лишь наиболее серьезные дела — убийства, поджоги и уличное насилие. С Восточного побережья сообщалось, будто

в некоторых городах полицейские забаррикадировались в участках, потому что вооруженные группировки только и мечтали туда добраться, ведь в участках хранилось немало оружия. Еще ходили слухи, что в отдельных штатах полицейские просто-напросто прекратили ходить на работу и вместо этого, чтобы выжить, сами организовали разбойничьи шайки.

Когда правительство наконец ввело во всей стране режим чрезвычайного положения и Колин с женой и Бет перебрались в бывшую тюрьму на Крысином острове, Колин рассказал, что он по своим каналам узнал кое-что о Брэде. Сын Колина Лоува стал лидером преступной группировки, называвшей себя «Хаос».

— Зачем ему кого-то грабить? — сокрушался Колин. — Попросил бы у меня — и получил все, что душа пожелает.

— Может, его душа как раз этого и желает, — предположил я, — показать тебе, что он и сам справится, что не просто способен выжить в такую эпоху без твоей помощи, но и победит тебя, станет во главе. Сравняется с тобой.

— Хм, — Колин посмотрел на меня, — то есть, потвоему, это не оттого, что ему все это нравится?

— Что именно нравится?

— Хаос. Грабить... Разрушать.

— Не знаю, — ответил я.

Я говорил правду.

Мир вокруг рушился, а мы с Хейди и Эми пытались вести обычную жизнь в Даунтауне.

Мы с Хейди познакомились, когда учились на юридическом, и все сразу завертелось. Нам понадобилось

два вечера, чтобы понять, что мы созданы друг для друга, и два года — чтобы удостовериться, что мы не ошиблись. Так что раздумывали мы недолго. Мы поженились, и через три года на свет появилась Эми. Нам хотелось и еще детей, но прошло четырнадцать лет, прежде чем родился кроха Сэм — скоро ему четыре.

Когда на планете свирепствовал вирус и в городе объявили режим изоляции, компания, где работала Хейди, обанкротилась, и Хейди поняла, что работу найти будет сложно: безработица подскочила с пяти до тридцати процентов, а экономический кризис достиг того состояния, которое знатоки называют критической массой, — иначе говоря, нисходящая спираль стала раскручивать сама себя. Потом, после пандемии, когда люди снова смогли общаться, не боясь заразы, Хейди открыла адвокатскую практику для малоимущих. Работала она, сидя дома на кухне, а платили ей, разумеется, лишь время от времени. К счастью, деньги для нашей семьи не представляли особой проблемы. Когда правление «Лоув инк.» прямо перед пандемией согласилось продать компанию крупнейшему в стране телекоммуникационному концерну, это означало, что ни мне, ни остальным акционерам остаток жизни вообще работать не потребуется. Я уволился и несколько недель прикидывал, как мне дальше распорядиться собственной жизнью. За это время успела разразиться пандемия, решившая все не только за меня, но и за всех остальных на этой планете.

Поэтому я совершил самый осмысленный поступок из всех на тот момент возможных: стал помогать Хейди оказывать помощь другим.

С того дня у нас в доме не только кухня, но и гостиная с библиотекой превратились в нечто вроде кризисного центра для отверженных душ с причудливыми судьбами. Но потом правовая система тоже затрещала по швам. Хотя правительство, парламент и суды в какой-то степени продолжали свое существование, теперь все стало вопросом времени: надолго ли у полиции хватит сил защищать закон и порядок, судебной системе — обеспечивать охрану и проживание заключенных, даже армия — сколько еще она сможет нас защищать? Парламент предоставил военной элите расширенные полномочия для защиты права собственности или по крайней мере государственной собственности, и в другое время этот шаг мог бы подтолкнуть группу военных лидеров к захвату власти. Как ни крути, но хунта — если следовать общественной философии «Левиафана» — лучше анархии. Однако и этого не произошло. Вместо этого солдаты и офицеры стали наемными охранниками богачей, начав зарабатывать впятеро больше против того, что получали на профессиональной военной службе.

А мы — те, кто к богачам не относился, — принялись готовиться защищать то, что принадлежит нам. То, что, по нашему мнению, нам принадлежало.

Готовиться к худшему.

Однако пережить случившееся никакая подготовка не помогла бы.

И вот я стоял на вершине небоскреба и, прислушиваясь к гулу вертолета, чувствовал во рту вкус веревки. В носу свербело от запаха бензина, в ушах звенели крики тех, кого я любил, а тело сковывало предчувствие того, что я потеряю все, все до последнего.

— Шестнадцать минут! — крикнул лейтенант.

Мы с Колином подошли к краю крыши и посмотрели на темные улицы. Я по-прежнему слышал рев одинокого мотоцикла. Всего месяц назад город наводнили банды байкеров, однако бензин кончился, поэтому теперь грабить сподручнее на своих двоих.

— Значит, по-твоему, Юстиция не умерла — просто у нее небольшая дырка во лбу, да? — спросил Колин.

Я взглянул на него. За ходом мысли Колина трудно угнаться, но мы познакомились еще в начальной школе, и с тех пор я успел научиться угадывать ассоциативные связи у него в голове. Он слышит рев мотоцикла, вспоминает своего сына Брэда и банду «Хавос» — они носят мотоциклетные шлемы, на которых намалевана богиня правосудия Юстиция, та самая, что стоит с завязанными глазами, а в руках держит весы. Вот только у их богини во лбу здоровенная кровавая дырка от пули.

— Она ударилась головой и потеряла сознание, — сказал я, — но мне кажется, правовое государство пока еще способно подняться.

— А я всегда считал это наивным, знал, что рано или поздно все станет как сейчас и положиться можно будет лишь на самых близких. И кто из нас оказался прав, а, Уилл?

— Люди будут бороться с твоей энтропией, Колин. Люди ищут, где лучше, им нужно цивилизованное общество, им нужна власть закона.

— Если людям что и нужно, так это месть за пережитую несправедливость — для этого и существовало правовое государство. А когда правовое государство с этой работой не справляется, люди берут дело

в свои руки. Вспомни историю, Уилл. Кровная месть, вендетта, когда сыновья и братья мстят за своих отцов и братьев. Оттуда мы вышли и туда возвращаемся. Потому что это затрагивает наши чувства, уж так мы, люди, устроены. Даже ты, Уилл.

— Я тебя услышал, но не соглашусь. Для меня разум и гуманизм выше желания отомстить.

— Да ни хрена подобного. Притворяешься ты хорошо, но я-то понимаю, какие чувства тебя раздрают. И тебе не хуже моего известно, что чувства всегда — всегда — побеждают разум.

Вместо ответа я посмотрел вниз, на улицу, по которой мчался мотоцикл. Рев стих, однако огонек по-прежнему мерцал в темноте, и я надеялся, что это тот же самый мотоцикл. Сейчас нам нужен свет, а еще нужна надежда. Потому что он прав. Колин всегда прав.

III

Я сбавляю газ. Здесь, в самом конце улицы, нет ни людей, ни машин, но, чтобы не привлекать внимания, у меня включены только подфарники, поэтому следить приходится в оба, иначе угодишь в колдобину. С ума сойти — бензин у всех давно кончился, а гранат — хоть задницей жуй, и с каждым днем кидают их все чаще.

Я притормаживаю. Нет, колдобин на дороге не было, но впереди мелькнул огонек карманного фонаря. На следующем перекрестке окопалась шайка отморозков. За ними беззвучно догорал автомобиль.

СОДЕРЖАНИЕ

Крысиный остров. <i>Перевод А. Наумовой</i>	5
Макулятор. <i>Перевод А. Наумовой</i>	151
Цикады. <i>Перевод Д. Гоголевой</i>	207
Сыворотка. <i>Перевод Д. Гоголевой</i>	311
Черный конь. <i>Перевод Д. Гоголевой</i>	339

Несбё Ю

Н 55 «Крысиный остров» и другие истории / Ю Несбё ; пер. с норв. А. Наумовой, Д. Гоголевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-19082-5

Ю Несбё, норвежский писатель и ведущий представитель северного нуара, не перестает удивлять. Ломая стереотипы, пренебрегая правилами жанра, он показывает человека так откровенно, как если бы мы сами смотрели в зеркало, боясь себе признаться: это я. «В моей голове нет и не будет никакой цензуры», — утверждает Несбё. Он никогда не раскрывает своих замыслов заранее, и до недавнего времени было известно лишь то, что писатель работает над двумя сборниками короткой прозы. В первый из них вошли семь криминальных историй, объединенных темой ревности. Во втором — Несбё обращается к теме гибели человека.

Наша цивилизация гибнет медленно, но неотвратимо, рушатся устои общества, люди теряют человеческий облик — но это слишком общие фразы для такого непредсказуемого, неоднозначного, парадоксального автора. Несбё, как никто другой, умеет маневрировать между темами, менять ракурс, он то перевоплощается в своих героев, то изучает их отстраненно, и в их поступках на фоне обыденности или, напротив, в совершенно фантастической ситуации проявляются роковые противоречия современного мировоззрения, моральный релятивизм, заводящий человечество в тупик самоуничтожения. Человеку свойственно ошибаться, но, пока он мечется между черным и белым на краю пропасти, у него есть шанс на спасение...

Впервые на русском!

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

Литературно-художественное издание

Ю НЕСБЁ
КРЫСИНЫЙ ОСТРОВ
и другие истории

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Елизавета Дворецкая
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Юлия Теплова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.10.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 40 000 экз. Усл. печ. л. 26. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RBD-27775-01-R